

МАРИНА Неёлова много играет в театре, много снимается в кино и на телевидении. Она работает.

Среди актрис ее поколения слово «работа», мне кажется, больше всего подходит именно ей. (Надо ли оговариваться, что понимать это слово следует в самом высоком смысле?). Актёры предшествовавшего поколения больше рассчитывали на непосредственность, на самовыражение — те, кто пришел им на смену, практичнее, рациональнее; Неёлова доказывает, что из этой рацио-

все-таки мать... нельзя же так грубо... и вообще старшим нельзя грубить. Так вот для Нины и других неёловских девчонок все эти «все-таки» и «старшим» нельзя грубить» недействительны — они воздадут каждому по делам его. Актриса и играет грубости своих героинь как осознанный протест.

А дальше начинаются крайне интересные вещи. Обманутая в любви Нина не менее, чем с матерью, жестока с самым близким ей человеком, с дедом — кричит ему что-то злобное, обижает его. Ей

для нее и невыносимо. Невыносимо жить на свободе, в одном городе с оставившим ее Виталиком; если бы их разделяла тюремная ограда, ей было бы легче.

Она и на суде живет своей любовью — увидела Виталика, больше ей ничего не надо, чем кончится суд—безразлично. Он просит ее вспомнить слова, которые здесь могут быть использованы против нее,—она вспоминает, лицо озаряется радостью, светом любви, потому что со словами этими связаны воспоминания о счастье, о времени, когда они были

Однако ж вот эту замкнутость на себя, неосознанный эгоизм и неосознанную жестокость актриса находит в своих героинях — притом, что она любит их, прекрасно к ним относится.

Талант? Да, конечно, незаурядный талант. Но зоркостью наблюдений, точностью воплощения Неёлова обязана и своей актерской рациональности; думаю, что актриса, уповающая только на непосредственность и самовыражение, такой объективности не достигла бы. В точно рассчитанных конструкциях ее ролей мы видим и ее собственную жестковатую аналитичность (в этом смысле можно говорить и о самовыражении), она всегда знает, чего хочет и понимает смысл и цену сыгранного; очень не любит, когда критики смотрят ее в ролях, которые она считает неудачными.

Новая роль Неёловой на сцене «Современника» — еще одна девчонка, десятиклассница Люба, существо скандальное и трогательное. Она яростно требует, чтобы с ней считались, чтобы ее принимали во внимание, ее бешеная энергия направлена против всех окружающих — матери, старшей сестры. И против ее жениха, фантазера Фарятева — потому что этот ужасный Фарятев не замечает влюбленную в него Любу. Как все-таки умеют любить эти девчонки! — вот уходит по лестнице отвергнутый Любиной сестрой Фарятев, а она — за ним, повторяя «я люблю вас», как будто и не касаясь ступенек, то ли летит, то ли просто сила любви, подобно силе всемирного тяготения, влечет ее, а она бесцельно сопротивляется. Осуществить себя, стать собой — значит раствориться в том, кого любишь, это героини Неёловой отлично знают. Не умом — сердцем знают. Только я в этот момент подумал: а что если бы Фарятев полюбил ее, а потом разлюбил — что бы она с ним, несчастным, сделала? Такая страсть, но с обратным знаком и, как всегда у этих девчонок, не скорректированная человечностью, пониманием другого человека, — это может быть и опасным.

Марина Неёлова очень много работает, она стала одной из ведущих актрис «Современника», и по кино уже известна. Но сейчас наступает момент, когда новые ее роли дают лишь количественное приращение — демонстрируются, в основном, варианты того же характера. Не то, чтобы она исчерпала его, но уже ясно, что она способна на большее; прекрасно сыгранная роль в «Слове для защиты» — все же, мне кажется, не более чем намерк на ее истинные возможности. Ей насущно необходимы роли трагические, роли в спектаклях большого стиля. Мы еще не знаем, что может дать то сочетание холодного ума и неистового темперамента, таланта и профессиональности, которое именуется — Мариной Неёловой.

Ю. СМЕЛКОВ.

НА СНИМКЕ: Марина Неёлова.

ЛЕД И ПЛАМЕНИ

нальности можно извлечь не меньше, чем из самой трепетной непосредственности. Ее взрывной темперамент закован в жесткие рамки конструкции, замысла, расчета, не только режиссерского, но и ее собственного, минуты, когда она дает себе полную свободу, редки и оттого потрясают.

Самое, пожалуй, поразительное в ней — это контраст между манерой игры и характерами ее героинь. Она играет девушек, девчонок открытых и искренних, распахнутых открытию жизни, больно ушибающихся об ее острые углы и не скрывающих ни боли, ни счастья, когда оно им выпадает на долю. Восемнадцатилетние девчонки середины семидесятых годов нашли в Неёловой свою актрису, способную выразить и понять то, что они порой сами в себе не понимают.

В игре Неёловой они узнаваемы — можно было бы сказать «такие, как в жизни», но это неточно: более узнаваемы, чем в жизни, резко очерчен тип. Актриса (между прочим, не ровесница своих героинь) умеет передать изящество потрепанных джинсов и небрежно распущенных волос, угловатую грациозность манер и плохо скрываемую агрессивность: эти девчонки уже выучили, что нападение — лучший вид защиты. От кого защищаться? — от тех, кто их не понимает, не хочет понять, от тех, кто несколько лет назад ругал их за мини, а потом столь же усердно стал ругать за макси. Уверенные, ироничные, жесткие девочки — Неёлова различает за уверенностью естественность и раскованность, за ироничностью — ум, за жесткостью — неприимность к любым проявлениям лицемерия и неискренности. Нина из «Монолога» встречает свою вернувшуюся из дальних странствий мать холодно: с неприязненным любопытством спрашивает деда: «Она теперь с нами будет жить?». Можно было поохать, повздыхать: вот, мол, какие бесчувственные эти нынешние дети. Мать оставила Нину на попечение деда и отправилась искать, как говорится, счастья в личной жизни и только много лет спустя вспомнила о дочери — есть же такая точка зрения:

ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

сделали больно — и она считает себя вправе сделать больно другому, точнее — считает себя вправе не обращать внимания, что от ее слов страдает другой, добрый, невинный, любящий ее человек. Свое горе заслоняет все, свое горе представляется мандатом на человеческую безответственность, на удары вслепую и наотмашь. Пленительная безответственность, очаровательная жестокость... Правда, она быстро опомнилась, побежала к деду просить прощения и стала, кажется, еще лучше, чем была.

Но актрисе дана была возможность проследить взросление своей героини — роль Лены Костиной в фильме «Слово для защиты». Сыграла она ее блестяще, великолепно — любые эпитеты и превосходные степени тут будут впору. Что же именно она сыграла?

Лену судят за покушение на убийство, она пыталась отравить человека, которого любила много лет и который обошелся с ней в высшей степени подло. Любила так, как любят все неёловские современные Джульетты, все эти Светланы, Нины, Валентины — отчаянно, взахлеб, до самозабвения. Она рассказывает, как все это было: «Вот тут я его приговорила — ну, и себя тоже» — открыла газ и легла рядом, надеясь не пронуться. Говорит с какой-то странной усмешечкой — то ли над собой, над своим «приговором», то ли над тем, что ничего не вышло, остался жив и Виталик, и она, а теперь ее будут судить. Для нее все ясно в этой ситуации: вся жизнь была в Виталике, а теперь его нет, и жизнь кончена; ее оправдывают на суде (ну, не оправдывают, но приговор выносят условный), но она как будто и не рада этому. И в самом деле не рада, в тюрьме или в колонии ей, как ни странно, было бы легче, жизнью ее распоряжались бы другие, а теперь надо самой жить, самой о себе думать, а вот это-то

вдвоем. Удивительная женщина, удивительная любовь...

Неёлова сыграла и эту всепоглощающую, все поглотившую любовь, и отчаяние, потерянность, доброту в любви. Но она не сыграла, не нашла в своей героине раскаяния. Да, конечно, Лену оправдывают — но сама она как будто вовсе и не думает о том, что хотела лишить человека жизни, что «приговорила» его (и себя, и себя — но и его!). В Нине из «Монолога» и Лене Костиной обнаруживается общая черта, у Лены более очевидная, поскольку сама она взрослее, личность уже полностью определилась: несчастье делает их... (Я задумываюсь, потому что написать «делает их бесчеловечными» было бы не совсем верно, а — «менее человеческими» тоже как-то неловко, ибо человечность не может быть меньше или больше — или она есть или ее нет). Скажем так: в несчастье обнаруживаются их худшие стороны, оно может сделать их несправедливыми и жестокими. Героини Неёловой принадлежат к поколению, знавшему неизмеримо меньше несчастий и страданий, чем их матери и старшие сестры, к поколению, душевно менее закаленному. И прекрасно, что им живется легче и лучше — можно так сказать, и это будет правда...